

В те давние времена, когда человек и зверь еще жили вместе и боги не гнушались общения с людьми, в те веселые времена, когда боги — по крайней мере в Греции — навещали людей и соблазняли земных женщин, которые этому, конечно же, радовались, хотя и целомудренно это утаивали, а дети, родившиеся после визита богов, как и все отпрыски знатных особ, уже и тогда, в те незапамятные времена, тоже пользовались исключительными привилегиями, — итак, в те стародавние времена, которые мы называем мифическими, стряслось не столь уж шумевшее, но вместе с тем весьма трагическое происшествие.

Богиня Артемида, известная своей красотой и недоступностью, охотница, с луком и колчаном стрел, сопровождаемая сворой собак (вспомните упомянутых выше богинь шумерских и ассирийских), кроме прочих достоинств отличавшаяся еще и целомудрием, девственница, строго оберегающая свою девичью честь, чем иные богини явно пренебрегали, купалась однажды после утомительной охоты в горном потоке. И, как это часто бывает, забыв об осторожности, отпустила собак. Скинув не только лук, но и хитон из тончайшей ткани, она плескалась в прозрачной воде совсем нагая, как создал ее господь бог, если такое можно сказать о богине.

В тот же час по роковому стечению обстоятельств и в тех же самых местах охотился герой и красавец Актеон со своими друзьями и сворой злобных псов, натасканных на травлю зверя. И случилось ему, отстав от друзей, заблудиться в неприступных скалах, спускающихся отлого к горному потоку. Актеон был истинным охотником и передвигался по привычке без малейшего шороха и шума. Где-то вдали отзвучали охотничьи рога, не слышно стало собачьего лая, и лишь торжественная тишина вечной природы обступала его. И Актеон решил освежиться в прохладной заводи. И вдруг приметил в воде какое-то движение и услышал плеск струй. Актеон подкрался поближе и замер: в заводи купалась ничего не подозревающая дева. Она была прекрасна, как может быть прекрасна лишь богиня.

Актеон не стал утруждать себя размышлениями, какая из богинь могла тут оказаться, ибо сразу понял, что нашел свое счастье и может сделаться возлюбленным одной из вечных олимпиек.

Он был настоящим мужчиной и потому не спешил, а, затаив дыхание, лишь жадно глядел на обнаженное женское тело со сверкающими на белой коже капельками влаги.

Все же в нем заговорил охотник. Внимательно осмотрев место, где он нежданно наткнулся на столь прекрасную добычу, Актеон заметил легкий хитон, серебряные сандалии с ремешками и драгоценный лук неописуемой красоты. И догадался, что купающаяся красавица — сама Артемида! Он, охотник Актеон, не раз обращал к ней свои молитвы и приносил кой-какие жертвы и потому не сомневался, что имеет право наглядеться на нее досыта. По крайней мере так долго, пока она не заметит его и, растроганная таким благородством и любовью, не откроет ему своих мокрых объятий и не позволит осушить свое тело пламенными лобзаниями.

Нет ничего хуже самоуверенности мужчины, полагающего, будто женщина, с которой он едва знаком, проявит к нему благосклонность лишь потому, что он слывет неотразимым любовником!

Охотник Актеон отшвырнул лук богини Артемиды в сторону, раздвинул кусты и вышел на берег заводи.

Богиня, услышав треск ветвей, тихонько вскрикнула и погрузилась в воду по шейку. Очи ее потемнели от гнева. До чего прекрасна! — подумал Актеон. — Все женщины в бессильном гневѣ прекрасны. Сейчас она в моей власти. Пока лишь во власти моих глаз, но скоро окажется

и во власти моих рук». О том, что последует дальше, он думать не мог, потому как у него и без того голова шла кругом.

— Богиня, — сказал он, дрожа от страсти, прерывающимся голосом. — Ты самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел и которое, охотясь, сподобился поймать. Теперь ты моя! Ты отлично знаешь, что нет на свете мужчины, который мог бы обидеть такую красавицу, как ты. И потому не бойся, если, конечно, не убоишься любви человека.

Но, как уже было сказано, Артемида была богиня целомудренная. Сестры ее, например Афродита или Афина Паллада и даже Гера, те не стали бы поднимать шума, если б их застал нагишом красавец охотник. Известно, что эти три богини не постеснялись показаться именно в таком виде царскому сыну Парису, потребовав отдать яблоко той, которую он сочтет самой прекрасной. Более того, каждая ему что-нибудь посулила, если он вручит яблоко именно ей.

Артемиде же мужчина был не нужен. Тем более Актеон, который, как и всякий охотник, весь пропах потом и пылью и к тому же был небрит. «Очень возможно, он меткий стрелок, — решила богиня, — но сейчас, бедняга, промазал, да к тому же совершил преступление, пусть даже и в любовном пылу!»

Ах, кому дано знать, какие капризы могут быть у богинь!

— Сейчас же отвернись и убирайся прочь, — прошипела Артемида, ее нежное личико вспыхнуло таким гневом, что даже вода не смогла его охладить. — Ступай прочь, о смертный!

Актеон был, как мы уже говорили, настоящим мужчиной. Он отрицательно покачал головой, уверенный, что Артемиде от него не уйти. Богиня теперь в его власти, еще более, чем молодая серна, запутавшаяся в тенетах. Красавица из воды попадет прямо в его объятия. Или ей придется оставаться в воде, но тогда он сам бросится к ней. В любовной горячке Актеон не страшился даже ледяной воды.

Вот как случилось человеку дерзко и необдуманно перейти границы дозволенного. Конечно, никому не заказано любить богиню на человеческий лад, но не следует склонять ее к любви силой. Актеон подобрался к заводи совсем близко. Тут богиня вдруг подпрыгнула, показав несчастному гордецу всю свою ослепительную наготу, и, набрав в ладони воды, плеснула в лицо Актеону.

И в то же мгновение он превратился в оленя! Ничего не скажешь, он стал горделивым, ретивым оленем, королем лесов, он был великолепен, и богиня охоты Артемида отметила это. Но Актеон уже не был ни мужчиной, ни охотником. Он стал зверем, а значит, предметом охоты.

Увидав свое отражение в зеркале вод, Актеон ужаснулся, а заметив новый жест богини, испуганно отпрянул. Как всякий олень, он кинулся прочь, ломая кусты, ибо оленю на роду написано бояться человека.

Богиня стряхнула с себя воду, набросила хитон из тончайшей ткани, надела сандалии, обвязала вокруг лодыжек ремни и, схватив колчан со стрелами и лук, покинула место, где ей было нанесено столь неслыханное оскорбление.

Она одна знала, какое страшное наказание ждет Актеона за дерзость. Только она знала, что бывший охотник сам теперь станет предметом охоты. Знала также, что в довершение трагедии Актеона будут гнать его друзья и травить его же собственные псы. Взяв след, они помчатся за ним и станут преследовать день и ночь, пока загнанный олень не падет, став жертвой своих

собак и добрых друзей, которые, разыскивая Актеона, наткнутся на красавца оленя.

Актеон же, узнав своих друзей, ничего не сможет им сказать, поймет, что загонят его собственные собаки, его любимицы, после охоты обычно ластившиеся к нему, когда он в приливе нежности бросал им лакомые куски. Теперь он должен мчаться, должен преодолевать кручи, теперь он олень, а не Актеон. Он пропал, конец...

Так погиб охотник, растерзанный ни в чем не повинными псами, как ни в чем не повинны были и его друзья, понуждающие собак преследовать оленя. Во всем виноват лишь он сам, Актеон...

О горе нам! Ведь даже за малое прегрешение боги сурово карают смертного!

Но почему мы решили рассказать именно эту легенду? Показать, что даже собственные собаки могут быть к нам жестоки? Да нет же, что вы! Отнюдь! Причина совсем не та. Когда великий римский поэт Овидий включил этот миф в свои «Метаморфозы», он описал все случившееся не только поэтично и драматично, но и сохранил в своей поэме множество собачьих имен, тех, что давали тогда собакам в Риме. Теперь нам известно, что вообще-то имена были греческие, более того, клички собак вавилонского бога Мардука, данные им задолго до того, как греки появились в Греции, тоже звучали весьма сходно!...

И в завершение печального повествования об охотнике Актеоне мы процитируем отрывок из поэмы Овидия «Метаморфозы»:

Вслушайтесь, как звали собак:

...Меламп поначалу,

Чуткий с ним Ихнобат знак первый подали лаем, —

Кносский пес Ихнобат и Меламп породы спартанской, —

Тотчас бросаются все, быстрее, чем порывистый ветер;

Памфаг, за ним Орибаз и Доркей, из Аркадии трое;

С ними силач Неброфон и лютый с Лалапою Терон;

Резвостью ценный Петрел и чутьем своим ценная Агра;

Также свирепый Гилей, недавно пораненный вепрем;

Напа, от волка приплод; за стадами идущая следом Пемена;

Гарпия, двух имея щенят в провожатых,

И сикионский Ладон, у которого втянуто брюхо,

Тигрид с Алкеей, Дромад, Канакея еще и Стиктея,

И белоснежный Левкон, и Асбол с черною шерстью,

И многосильный Лакон, и Аэлл, отличавшийся бегом,

Фей и рядом, резва, с ее кипрским братом Ликиска...

Гарпал и с ним Меланей; косматая с ними Лахнея,

Также два пса, чья лаконянка мать, отец же диктеец;

Лабр с Артиодом, потом с пронзительным лаем Гиладор, —

Долго других исчислять...

Такие и другие имена носили собаки Актеона, которые разорвали своего господина на куски.

А мы рассказали эту историю для развлечения и поучения. Опасно проявлять излишнюю самоуверенность, когда охотишься — будь то на зверя, на богиню или на женщину вообще. Осторожность, уважаемые Актеоны, никогда не помешает!

<http://tl.rulate.ru/book/5745/105081>